

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 199-207. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.199
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Northern Caucasus in 1844–1881 years: Economic Aspects of Russian Politics in the Region

Yury Y. Grankin ^{a,*}

^aPyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The work examines the peculiarities of the economic politics of Russia in the Northern Caucasus while the time of governorship. The special status of the region forced to look for ways to optimize management practices in the region. Among the priorities that were set and solved by the imperial administration, were the problems associated with the successful adaptation of the local economy to the national needs. The region had to find its niche in the Russian market, and thus to get out of the crisis that has developed as a result of the transformation of the local archaic way of life, which has experienced the impact of modernization processes caused by the ongoing here the imperial policy. These processes fastened in the second half of the XIX century, when military and political opposition in the Northern Caucasus was overcome and the authorities could pay special attention to the peaceful development. The best results were done in agriculture, which succeeded in the commodity production, in transport and oil field. The Caucasian health resorts got the further development thanks to the optimal form of management in the medical service. It brought to the organic adaptation of the locals to the new living conditions.

Keywords: economy, governorship, transformation, agriculture, industry, empire, crafts, health resorts, colonists, service.

1. Введение

Системная трансформация различных сторон жизни в Российской Федерации актуализировала среди прочего значение историко-экономических исследований, которые позволяют максимально эффективно использовать накопившийся опыт в разных сферах хозяйственной деятельности. Особенно важно это для Северного Кавказа – достаточно сложного и конфликтного региона, где сохраняется высокий уровень социально-экономической и политической напряжённости, вызванный как внешними, так и внутренними причинами. В этой связи опыт по выходу из кризисной ситуации, который был получен в XIX в., может оказаться востребованным и в новом, XXI столетии (Ermakov, Klychnikov, Milyaeva, 2014: 449-452).

Безусловно, проводить прямые параллели между разными историческими эпохами было бы неправильно, но определённая ситуативная схожесть присутствует. Предпринимаемые кавказскими наместниками усилия, в том числе в экономической сфере, заслуживают самого пристального внимания как со стороны академической науки, так и политической практики.

Как тогда, так и сейчас очевидно, что исключительно силовыми методами проблему стабилизации региона решить невозможно. Лишь эффективные управленческие механизмы и надёжная экономическая основа жизни населения могут обеспечить благополучие и поступательное развитие края как неотъемлемой части Российского государства. При этом следует учитывать местную специфику, прежде всего, в кадровой политике, склонность населения к хозяйственным занятиям определённого рода.

* Corresponding author

E-mail addresses: grankinj@pgu.ru (Y.Y. Grankin)

2. Материалы и методы

Исследование опирается на архивные материалы, которые были извлечены из центральных – Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация) и местных архивов – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), Государственный архив Ставропольского края (Ставрополь, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ, Российская Федерация). В них содержится информация, иллюстрирующая процессы колонизационного освоения региона в рассматриваемый период, развития сельского хозяйства и местной промышленности, налаживания процесса торговли. Часть используемых материалов уже была введена в научный оборот и опубликована в тематических сборниках (ПСЗ, 1846; [Пятигорск в исторических, 1985](#)).

Заявленная проблема определила выбор принципов и методов исследования. Прежде всего, речь идёт о принципах историзма и объективизма, благодаря которым удалось не только понять сущностные особенности изучаемого периода, но и дать научное определение тем процессам, которые проходили в регионе в контексте экономической политики империи на Северном Кавказе.

Особое внимание уделялось конкретно-историческим условиям, которые определяли действия властей и стратегию экономического развития Кавказского наместничества.

При анализе материала, связанного с оценкой экономических показателей, применялся системный метод. Помимо этого, выяснялось, какие изменения происходили в хозяйственном укладе местных народов, чему способствовал традиционный для исторической науки историко-сравнительный метод исследования.

Применение историко-генетического метода дало возможность проследить общие черты российской политики в регионе, которые влияли на социально-экономическую ситуацию в крае.

3. Обсуждение

Проблема экономической политики России на Северном Кавказе не раз становилась объектом пристального внимания со стороны исследователей. В настоящий момент накоплен достаточно разнообразный пласт литературы, посвящённой различным аспектам заявленной темы. Это позволяет создавать обобщающие труды, сосредотачиваясь на анализе уже собранного и систематизированного материала.

К числу работ, дающих общее представление о социально-экономической ситуации в регионе, относятся труды Ф.А. Щербины ([Щербина, 1893](#)), А.В. Фадеева ([Фадеев, 1957](#)), Н.П. Гриценко ([Гриценко, 1963](#)), С.А. Чекменева ([Чекменев, 1967](#)). Они отличаются основательной фундированностью, широким привлечением архивного материала.

Вызывают интерес исследования, которые посвящены развитию отдельных отраслей хозяйства, являвшихся приоритетными в условиях Северного Кавказа ([Колосов, 1962](#); [Гарунова, 2009](#)). Российские власти стремились выделить такие направления в хозяйственном укладе местных жителей и использовать в качестве точек роста всего экономического потенциала края.

В этой связи особо следует отметить исследования, которые затрагивают вопросы, связанные с развитием кавказских курортов ([Белозеров, 1997](#); [Лазарян, 2003](#)). Речь идет, прежде всего, о курортах Пятигорья, которые были известны далеко за пределами края. Они служили своеобразными примерами того, какие перспективы ждут регион в случае его мирного, созидательного развития в составе империи.

Ставка в реализации масштабных экономических проектов делалась не только на автохтонов, которые не всегда обладали необходимыми компетенциями, но и на привлекаемое славянское население. Для этого проводилась активная колонизация региона из внутренних губерний ([Васюков, 1905](#); [Тхамокова, 2000](#)). Кроме того, на Северном Кавказе постарались укоренить и выходцев из других стран, пример хозяйствования которых мог быть востребован в местной экономической практике ([Твалчредидзе, 1886](#); [Велицын, 1893](#)).

Взаимодействие в условиях северокавказского пограничья в контексте концепции фронта вызывает интерес у иностранных авторов, которые анализируют специфику формирования новой имперской общности, формирующейся в регионе ([Khodarkovsky, 1999](#)).

4. Результаты

К началу 1840-х гг. российская политика на Северном Кавказе столкнулась с серьёзным управленческим кризисом, и, несмотря на значительные людские и материальные потери, не могла выработать оптимальной модели умиротворения края ([Захарова, 2001: 167](#)). Военные усилия при всех их внешне эффективных достижениях не обеспечивали главное – лояльности автохтонных народов, которые в немалой степени симпатизировали главному оппоненту империи в крае – имамату Шамиля.

И без того сложная ситуация отягощалась регулярными конфликтами между региональными и столичными властями, которые по-разному оценивали ситуацию в крае. Для Петербурга северокавказская окраина была одной из многих проблемных территорий, управление которой хотели унифицировать в соответствии с общеимперскими началами ([Khodarkovsky, 1999: 394-430](#)).

Местная же администрация указывала на специфичность вверенной им провинции. Она ратовала за расширение собственных возможностей в принятии решений по регламентации жизни местных народов с учётом их социоментального своеобразия. Зачастую такие шаги расходились с общепринятой практикой и могли в перспективе привести к обособлению Северного Кавказа от остальной империи, тогда как стратегическая цель правительства наоборот заключалась в его приобщении к российской державе (Клычников: 834-841).

Выход был найден в создании наместничества, опыт применения которого уже давала положительный результат в деле освоения новых территорий (Учреждение, 1876: 3). На Кавказ предполагалось назначить человека, который пользовался абсолютным доверием государя, имел опыт администратора и одновременно был сведущ в военном деле. В этом случае можно было предоставить ему самую широкую автономию и дать возможность действовать без оглядки на Петербург (ПСЗ, 1846: 151-152). Эффективность наместничества в значительной степени определялась субъективным фактором, а потому кандидатуру доверенного лица императора подбирали с особым тщанием (Клычников, Лазарян, 2012: 123-127).

Человеком, который отвечал всем необходимым требованиям, предъявленным к кандидатуре наместника, был М.С. Воронцов. Пожалуй, он был одним из первых российских высокопоставленных чиновников, для которого экономическое освоение региона стало доминирующей задачей, а все остальные усилия имели вспомогательное значение. Опытный хозяйственник, граф (позднее князь) был сторонником идеи о том, что успешное занятие товарным земледелием, ремеслом и торговлей, сделают из горцев вполне мирных подданных государя. В дальнейшем, в разной степени, такого подхода будут придерживаться и другие кавказские наместники.

Пока шла активная борьба с мюридизмом, рассчитывать на крупные успехи в мирном преобразовании края не приходилось. Сказывалась и общая ситуация в стране. До отмены крепостного права существовало множество вполне объективных причин, которые препятствовали втягиванию народов Северного Кавказа в экономическое пространство империи. Частная инициатива хотя и приветствовалась, но не могла определять хозяйственный облик региона (Клычников, 2002: 145-147). Риски были высоки, а отдача от вложений откладывалась на неопределённый срок. Главным инициатором экономических новаций, таким образом, могло быть только государство, которое и выступало в лице наместничества.

В пореформенный период ситуация претерпевает кардинальные изменения. В этот период товарно-денежные отношения активно проникают в сферу традиционных занятий народов края. Они всё больше начинают ориентироваться на нужды рынка, а это неминуемо приводило к разложению локального изоляционизма, характерного для разных сторон жизни автохтонов.

В новых условиях свою нишу нашли кустарные ремёсла, которые хотя и потеснила фабричная промышленность, но полностью ликвидировать их так и не смогла. Они фактически стали дополнять друг друга, обеспечивая потребности не только местных народов, но и находя сбыт за пределами Кавказа. Власти охотно рекламировали изделия местных умельцев, для чего периодически устраивали выставки, где мастера могли продемонстрировать и реализовать свою продукцию.

Настоящий бум фиксировался в производстве строительных материалов. Речь идёт об изготовлении, к примеру, кирпича и черепицы. Тот, кто решался заняться этой деятельностью, не знал проблем со сбытом, т.к. спрос на стройматериалы в регионе был постоянным и только расширялся. Администрация фиксировала «возникающие один за другим в области кирпичные заводы» (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 954. Л. 50; ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 39. Л. 4-5).

Регион становился одним из лидеров по добыче и переработке нефти. Главное управление наместника Кавказского выступило с инициативой по передаче принадлежавших казне нефтяных скважин в руки частных предпринимателей (ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1221). Такой шаг обеспечивал не только твёрдый доход, но ещё и привлекал на Северный Кавказ дополнительный капитал, стимулировал капиталистическую активность.

Но в такой практике существовала опасность, что владельцы, воспользовавшись своим монопольным положением, будут ограничивать добычу нефти, а сверхприбыль получать за счёт повышения цены. Чтобы избежать подобного развития событий, Кавказская администрация осуществляла надзор за частными нефтяными промыслами, была также проработана юридическая база, регламентирующая эту сферу деятельности.

Испытывая недостаток в средствах, местная администрация решила на активное привлечение иностранного капитала в нефтяную промышленность. Представляется, что в рассматриваемый период это была вполне оправданная мера, стимулирующая конкуренцию и заставляющая активно внедрять новые технологии в добычу и переработку этого ценного сырья. Как показал опыт, в противном случае откупщики продолжали по старинке добывать нефть, черпая её из колодцев, откуда она доставлялась на поверхность с помощью примитивных подъёмных механизмов.

Во многом развитие северокавказского промышленного и сельскохозяйственного потенциала сдерживали архаичные коммуникации. Поощряя железнодорожное строительство, власти создали вполне благоприятные условия для вывоза местной продукции и, в свою очередь, насыщения регионального рынка необходимыми товарами (Наша железнодорожная, 1902: 34). Необходимость

строительства железных дорог, хотя и осознавалась большинством чиновников, тем не менее, потребовалось длительное обсуждение этого вопроса, вызвавшего горячие споры.

Речь шла о сроках прокладки таких коммуникаций на Северном Кавказе. В уже одобренном императором плане строительства железнодорожных магистралей в империи регион не значился. Наместнику пришлось использовать свой авторитет и личное влияние, чтобы убедить монарха пересмотреть уже принятое решение. Нехватку в казне средств предполагалось компенсировать привлечением частного капитала и созданием концессий. У государства просто не было на это денег, а стоимость проекта значительно возросла по сравнению с первоначальными расчетами (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 802. Л. 1 об.).

Безусловно, при выборе предполагаемого маршрута в первую очередь учитывались военно-политические интересы. Она должна была обеспечить быструю переброску вооружённых сил. Но и экономический фактор также не сбрасывался со счетов, и это способствовало достаточно быстрой окупаемости проекта (Щербина, 1893: 71).

Примечательно, что в крае стремительно увеличивалось число производств, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья. Со стороны властей прилагались энергичные усилия по административной поддержке перспективных проектов, над которыми осуществлялся государственный патронаж.

Безусловно, регион оставался, прежде всего, аграрным центром, а потому кавказские наместники содействовали дальнейшему росту товарного зерноводства и скотоводства. Расширились посевные площади, стали появляться новые культуры (Лазарян, 2014: 175). Процесс этот происходил медленно, особенно в первой половине столетия. Это объяснялось вполне очевидными причинами, связанными с политической нестабильностью, о чём уже говорилось выше.

Кроме того, сельское хозяйство является достаточно консервативной сферой деятельности, которая не терпит поспешных экспериментов. Современники жаловались, что способ возделывания земли основан «на ничем не сообразной рутине» (ГАКК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 342. Л. 45). Здесь возможности администрации повлиять на уклад местных производителей были ограничены, и она должна была считаться с готовностью земледельцев пойти на риск в освоении новых угодий и выращивании новых сортов. Тем не менее, уже в дореформенный период Северный Кавказ становится неотъемлемой частью российского экономического пространства и начинает ассоциироваться не только с военной опасностью и материальными потерями, но и с вполне ощутимой экономической перспективой. Со второй половины XIX в. эта тенденция только усиливается.

Начавшаяся в 1860-х гг. аграрная реформа имела своей целью решить не только экономические задачи и превратить регион в сельскохозяйственного лидера, но ещё обеспечивала социальную стабильность в крае. Была сделана ставка на поддержку крупных товарных хозяйств, которые привлекали значительное количество рабочих рук (Востриков, 1904: 262).

Заметные успехи фиксируются в разведении скота, прежде всего, овец (Очерки истории, 1996: 362). Если рассмотреть ставропольские крестьянские хозяйства, то в них овцеводством занималось не менее 40 % домовладельцев. Даже притом, что скотоводство долгое время сохраняло экстенсивный характер, его размеры значительно выросли. Отмечается, что крупные скотопромышленники предпочитали культивировать тонкорунные породы овец, а менее зажиточные хозяйства делали ставку на грубошерстные породы. Для примера, только жители села Воронцово-Александровского от продажи скота ежегодно получали до пяти тысяч рублей. Они продавали его как на собственном базаре, так и вывозили на различные ярмарки региона.

Началась интенсивная распашка целинных земель, которые использовались преимущественно для выращивания пшеницы. Здесь одним из лидеров являлось Ставрополье, где крестьянские хозяйства активно включались в товарное производство. Злаковые культуры пользовались постоянным спросом на рынке и обеспечивали доход местным производителям. Примечательно, что поставками пшеницы занимались не только крестьянские, но и казачьи и горские хозяйства. Главным препятствием на пути поступательного развития товарного зерноводства было отсутствие необходимого земельного фонда, и попытки властей справиться с аграрным перенаселением давали лишь кратковременный эффект (Клычников, 2015: 184-185).

Если проанализировать урожайность местных земель, то она окажется значительно выше, нежели аналогичные показатели центральных губерний страны. Всё шире применялись современные сельскохозяйственные орудия труда. Отдельные крестьянские хозяйства приобретали фабричные молотилки, плуги, жатвенные машины. Если средств одной семьи было недостаточно, такие орудия труда могли приобретаться в складчину, либо с рассрочкой. Для сбора урожая активно привлекались наёмные работники, которые в сезон в большом количестве приходили из центральных губерний России.

В немалой степени локомотивом экономической активности населения края выступала торговля (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3502. Л. 7; ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 435. Л. 341 и др.). Она не раз становилась инструментом в решении не только хозяйственных вопросов, но имела ещё и политическое значение. Можно было не раз наблюдать, как власти использовали её для оказания воздействия на местные народы. Запрещая и поощряя торговые контакты, правительство стремилось надёжнее привязать горцев к империи, сблизить враждующие народы (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 857. Л. 85).

С ограничительными мерами мы сталкиваемся в первую половину столетия, когда силовые методы превалировали в российской политике на Северном Кавказе. Но постепенно ситуация менялась, и власти всячески содействовали торговой интеграции автохтонов не только в рамках региона, но и за его пределами, в других частях империи. Иностраный рынок в рассматриваемый период не являлся приоритетом для местных производителей, хотя и туда направлялась часть производимой продукции (Гранкин, 2002).

В условиях края широкой популярностью пользовалась ярмарочная торговля. Нередко местные оптовики, закупив здесь товар, затем перевозили его в Москву и Санкт-Петербург. Одной из наиболее крупных считалась ярмарка близ города Георгиевска. Сюда сгоняли огромные табуны лошадей и гурты рогатого скота. Здесь совершались сделки по снабжению Владикавказской железной дороги зерновым грузом. Порой спрос не успевал за предложением, и это приводило к утрате части товарного хлеба.

Отличительной особенностью пореформенного периода стало развитие кредитно-банковской системы в крае. Кавказская администрация пыталась сохранить свой контроль над этой сферой, но, не имея необходимых ресурсов, вынуждена была допустить для участия в этом секторе частный капитал (Горбунов, Дмитриев, 2008: 106).

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с развитием северокавказских курортов. Они, условно говоря, являлись «визитной карточкой» региона и даже в разгар боевых действий пользовались популярностью у российского общества. Курорты всегда оставались на особом контроле у наместников, что достаточно наглядно продемонстрировал М.С. Воронцов, который 28 мая 1847 г. перевёл курорты Кавказских Минеральных Вод в своё личное распоряжение (Пятигорск в исторических, 1985: 151). И в дальнейшем система управления курортами непрерывно изменялась, т.к. администрация стремилась найти наиболее эффективную систему их управления.

Как правило, суть изменений заключалась в подчинении всех курортов либо государственным чиновникам, либо в передаче их в частные руки. Оба варианта имели как плюсы, так и минусы. Нередко эффективность работы зависела от субъективного фактора. Так, курорты в 1861 г. были отданы в ведение контрагентов.

В журнале Кавказского комитета по этому поводу говорилось следующее: «Для отыскания причин, имеющих неблагоприятное влияние на администрацию Кавказских Минеральных Вод, по мнению князя Барятинского, не нужно вдаваться глубоко в исследование всех условий, влияющих на деятельность управления. Конечно, нельзя не упомянуть о недостатках естественных и искусственных путей сообщения, об ошибочном, теперь только ослабевающем общественном мнении на счёт опасности для проезжающих в крае и о малонаселённости многих мест, где лежат главнейшие сухопутные пути, ведущие к минеральным источникам. Всё это, взятое вместе, без сомнения, имело огромное значение в деле управления Водами. Но кроме этих условий, всегда было и есть одно самое важное обстоятельство, не позволявшее Кавказским целебным источникам достигнуть достойного их значения. Обстоятельство это заключается в том, что Водами заведует правительственная или казённая администрация» (Пятигорск в исторических..., 1985: 162-163). Но впоследствии государственные власти вынуждены были вновь взять на себя обязанности по управлению этой сферой деятельности.

Хотя частный капитал быстрее реагировал на запросы рынка курортных услуг, но он не мог успешно осуществлять масштабные проекты, которые требовали солидных финансовых затрат и не могли гарантировать быструю окупаемость. Только сочетание этих двух подходов обеспечивало гибкость в развитии курортного дела на Кавказе, при этом решающее слово должно было оставаться за государством (Гранкин, 2011: 259-281).

Успешность экономических проектов, реализуемых российским правительством в регионе, напрямую зависела от того, кто привлекался к их осуществлению. Предполагалось, что активная славянская колонизация позволит укоренить на Северном Кавказе население, которое могло передать проживавшим здесь горцам и кочевникам свои навыки хозяйственной деятельности. Будучи политически лояльными к России, эти новопоселенцы демонстрировали то, чего можно добиться мирным способом, посвятив себя созидательной деятельности.

Первоначально основным контингентом, привлекаемым к переселению на Кавказ, были казаки. Но специфика жизни не позволяла им акцентировать внимание на хозяйственных заботах, а потому с точки зрения экономической целесообразности предпочтение стали отдавать крестьянам (Фадеев, 1957: 43-44). Процесс их адаптации к природным, социокультурным и политическим особенностям региона был болезненным. Далеко не всегда соблюдался принцип добровольности при наборе колонистов. Но в дальнейшем власти даже вынуждены были вводить ограничения на переезд, т.к. число желающих выехать на новое место жительства превосходило реальные возможности по их размещению. Важную роль в этом процессе сыграла железная дорога, и «масса иногородних осела сначала в станциях ближайших к линии железной дороги, и отсюда уже пошла расплываться дальше» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1527. Л. 14).

В связи с массовым оттоком горского населения с территории Северного Кавказа в Турцию после завершения боевых действий дефицит трудовых резервов сделался особенно актуальным. Это заставляло российскую администрацию изыскивать самые разные способы для привлечения в

край новых жителей. Далеко не все они смогли успешно адаптироваться в непривычных ландшафтно-климатических условиях, что приводило к высокой смертности и не позволяло создать крепких хозяйств.

Помимо российских переселенцев сюда прибывали и иностранные колонисты. Для них создавались наиболее комфортные условия для проживания, предоставлялись различные налоговые преференции. Власти рассчитывали на их культуртрегерские усилия, но, как показал опыт, эти надежды не оправдались (*История многовекового, 2007: 266*).

Постепенно даже стало нарастать раздражение, которое вызывали получаемые иностранцами (прежде всего, немецкими поселенцами) права. Звучали слова опасения, что такой подход несёт угрозу прочим категориям колонистов, и они к концу XIX столетия стали утрачивать былые возможности. Это даже привело к частичному оттоку этих поселян с территории Кавказа (*Твалчрелидзе, 1886: 274*).

Что касается горского населения, то оно, получив возможность переселяться на равнину, также достаточно успешно приняло участие в экономической жизни края. Постепенно всё больше местных жителей предпочитали получать достаток не за счет военной добычи, а занимаясь сельским хозяйством и ремёслами (*Клычников, 2016: 75*).

Важно отметить тот факт, что российская администрация, стремясь предоставить новопоселенцам необходимые земельные наделы, исходила не из принципов сословной близости, а учитывала их лояльность к государственной власти. Конечно, перешедшие на службу России феодалы могли рассчитывать на значительные раздачи участков, но и рядовые общинники также не обделялись чиновниками. Однако земельный фонд был весьма ограничен, и удовлетворить в полном объёме потребности нуждающихся было невозможно. В документах о наделении местных жителей землёй нередко можно встретить утверждение, что они «стеснены в поземельном довольствии» (*ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 241. Л. 6*).

При необходимости казна могла выкупать у офицерско-старшинской верхушки излишки земель и перераспределять их в пользу нуждающихся. Это позволило со временем преодолеть то недоверие, которое испытывали к империи местные народы, хотя полностью нейтрализовать их недовольство власти так и не смогли.

5. Заключение

Усилия российской политики на Северном Кавказе были направлены на обеспечение условий по вхождению региона в единое экономическое пространство империи. Рост материального благосостояния местных жителей давал возможность изменить социальные и культурные особенности достаточно конфликтного южного фронта. Местное производство приобретало товарные черты. Особенно этот процесс ускорился в пореформенный период, что объяснялось не только прекращением вооружённого противостояния на Северном Кавказе, но и буржуазными реформами, которые открыли дорогу капиталистическому развитию России в целом и её южного региона в частности.

Успехи в экономическом освоении Северного Кавказа зависели от эффективности управления, оперативности в принятии решений. В этой связи видится оправданным введение института наместничества, которое доказало свою эффективность в условиях политической турбулентности характерной для края в рассматриваемый период.

Благодаря наличию широких полномочий наместник мог весьма оперативно принимать необходимые шаги, что было важно не только для выполнения политических, но и экономических задач, которые приходилось решать в крае. Безусловно, в такой ситуации многое зависело от личности главного кавказского администратора. Поэтому император особо тщательно подбирал кандидатуру наместника, от которого требовалась не только личная лояльность, но и наличие самого широкого кругозора, в том числе и по хозяйственным вопросам.

Как правило, наместники входили в близкое окружение императора, они уже имели определённый административный опыт. Поступательное развитие края, его органичное вхождение в экономическое пространство империи во многом стало возможно благодаря такой форме управления.

Литература

- Белозеров, 1997* – Белозеров В.С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. М.: Ваш выбор. ЦИРЗ, 1997. 80 с.
- Васюков, 1905* – Васюков С.И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // *Вестник Европы*. 1905. №12. С.560-583.
- Велицын, 1893* – Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. 282 с.
- Востриков, 1904* – Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // *Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа*. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 102-309.
- Гарунова, 2009* – Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII–XXI вв. Махачкала: Рудуга-1, 2009. 336 с.

- Горбунов, Дмитриев, 2008 – Горбунов А.П., Дмитриев Е.В. Экономическое и социальное развитие Ставрополя в середине XIX – начале XX вв. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 163 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
- Гранкин, 2002 – Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 216 с.
- Гранкин, 2011 – Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 403 с.
- Гриценко, 1963 – Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 199 с.
- Захарова, 2001 – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 381 с.
- История многовекового, 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
- Клычников, 2002 – Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
- Клычников, Лазарян, 2012 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 330 с.
- Клычников, 2015 – Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
- Клычников, 2016 – Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2016. 99 с.
- Колосов, 1962 – Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. 381 с.
- Лазарян, 2003 – Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. Пятигорск, 2003. 196 с.
- Лазарян, 2014 – Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
- Наша железнодорожная, 1902 – Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: исторический очерк, составленный начальником отделения канцелярии Комитета министров Н.А. Кислинским, под главною редакциею статс-секретаря Куломзина. СПб., 1902. Т. 2. 734 с.
- Очерки истории, 1996 – Очерки истории Кубани с древнейших времён до начала XX столетия / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: «Советская Кубань», 1996. 656 с.
- ПСЗ, 1846 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1846. Т. XX. 1046 с.
- Пятигорск в исторических, 1985 – Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. 352 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Твалчрелидзе, 1886 – Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С.209-274.
- Тхамокова, 2000 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское поселение Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2000. 240 с.
- Учреждение, 1876 – Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876. 67 с.
- Фадеев, 1957 – Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 260 с.
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- Чекменев, 1967 – Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. Пятигорск: Кн. изд-во, 1967. 278 с.
- Щербина, 1893 – Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1893. Вып. 2. 284 с.
- Ermakov et al., 2014 – Ermakov V.P., Klychnikov Y.Y., Milyaeva L.I. The opportunities for the new round of the modernization of the North Caucasus in the plans of the Government of the Russian Federation // *Life Science Journal*, 2014; 11 (11s). pp.449-452.
- Khodarkovsky, 1999 – Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1880 // *The Journal of Modern History*, Vol. 71, No. 2. (Jun., 1999). pp. 394–430.
- Klychnikov, 2015 – Klychnikov Y.Y. Military and political situation in the reign of Nicolas I // *Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies*. №1(7), January-June, 2015. Vol. VII. pp. 834-841.

References

- Belozеров, 1997** – *Belozеров V.S.* (1997). Kavkazskie Mineral'nye Vody: ehvolyuciya sistemy gorodov ehkologo-kurortnogo regiona [The Caucasian Mineral waters: the evolution of towns system of the ecologic and resort region]. M.: Vashvybor. CIRZ. 80 p. [in Russian].
- Vasyukov, 1905** – *Vasyukov S.I.* (1905). Russkaya obshchina na Kavkazo-CHernomorskom poberezh'e [The Russian commune in the Caucasian and Black Sea Coast]. *Vestnik Evropy*. №12. pp. 560-583. [in Russian].
- Velicyn, 1893** – *Velicyn A.A.* (1893). Nemcy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemeckih kolonij na yuge i vostokey Rossii [The Germans in Russia. The essays of the historic development and present situation of German colonies in the south and east of Russia] SPb. 282 p. [in Russian].
- Vostrikov, 1904** – *Vostrikov P.A.* (1904). Stanica Naurskaya, Terskoj oblasti / *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza* [The Naurstanitsa of the Terek region] Tiflis. Vyp. 33. pp.102-309. [in Russian].
- Garunova, 2009** – *Garunova N.N.* (2009). Ocherki istorii vinodeliya i kon'yachnogo proizvodstva na Kizlyarshchine v XVII–XXI vv. [The essays of the history of wine and cognac production in Kizlyar in the XVII–XXI cc.] Mahachkala: Ruduga-1. 336 p. [in Russian].
- Gorbunov, Dmitriev, 2008** – *Gorbunov A.P., Dmitriev E.V.* (2008). EHkonomicheskoe i social'noe razvitie Stavropol'ya v seredine XIX – nachale XX vv. [The economic and social development of Stavropol region in the middle of the XIX – beginning of the XX cc.]. Pyatigorsk: PGLU. 163 p. [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [The State Archives of the Krasnodar region].
- GASK** – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [The State Archives of the Stavropol region].
- Grankin, 2002** – *Grankin Yu.Yu.* (2002). Torgovo-ehkonomicheskie svyazi Rossii s narodami Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza (konec XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [The trade and economic ties of Russia with peoples of the Western and Central Caucasus (the end of the XVIII – the first half of the XIX cc.)] Pyatigorsk: PGLU. 216 p. [in Russian].
- Grankin, 2011** – *Grankin Yu.Yu.* (2011). Namestnichestvo i realizaciya strategii ehkonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v 1844–1881 gg. [The governorship and the strategy realization of the economic development of the Northern Caucasus in 1844–1881 years] Pyatigorsk: PGLU. 403 p. [in Russian].
- Gricenko, 1963** – *Gricenko N.P.* (1963). EHkonomicheskoe razvitie CHEcheno-Ingushetii v poreformennyj period (1861–1900) [The economic development of Chechen and Ingush republic in the past reform period (1861–1900)] Groznyj: CHEcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 199 p. [in Russian].
- Zaharova, 2001** – *Zaharova O.Yu.* (2001). General-fel'dmarshal svetlejshij knyaz' M.S. Voroncov. Rycar' Rossijskoj imperii [The General-Field-Marshal Duke M.S. Vorontsov. The Knight of the Russian Empire] M: ZAO Izd-vo Centrpoligraf. 381 p. [in Russian].
- Istoriya mnogovekovogo, 2007** – *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii* (2007). [The history of multicentural cooperation: to the 450 years unity peoples of Kabarda, Balcaria and Russia]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh. 720 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2002** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2002). Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) [The Russian politics in the Northern Caucasus (1827–1840 years)]. Pyatigorsk: PGLU. 494 p. [in Russian].
- Klychnikov, Lazaryan, 2012** – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* (2012). Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki) [The mosaic of the North-Caucasian life: events and process of the XIX – the beginning of the XX century]. Pyatigorsk: PGLU. 330 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2015** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2015). Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki [The Russian political system and the North-Caucasian archaic: in search of contradiction overcoming (the XVIII – the beginning XXI cc.) The historical essays]. M.: LENAND. 368 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2016** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2016). Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (istoriko-politologicheskie ocherki) [The Northern Caucasus: old problems in new measuring (historic and politologic essays)] / Pod red. i s predisloviem prof. S.L. Dudareva. Pyatigorsk: PGLU. 99 p. [in Russian].
- Kolosov, 1962** – *Kolosov L.N.* (1962). Ocherki istorii promyshlennosti i revolyucionnoj bor'by rabochih Groznogo protiv carizma i monopolij (1893–1917 gg.) [The essays of the history of industry and revolutionary. Grozni workers struggle against tsarism and monopolies (1893-1917 years)]. Groznyj: CHEcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 381 p. [in Russian].
- Lazaryan, 2003** – *Lazaryan S.S.* (2003). Stanovlenie predprinimatel'stva v regione KMV. 1780–1917 gg. [The employment formation in the region of the Caucasian Mineral Water. 1780–1917 years]. Pyatigorsk. 196 p. [in Russian].
- Lazaryan, 2014** – *Lazaryan S.S.* (2014). EHkonomicheskaya, social'naya i ehtnokonfessional'naya politika knyazya M.S. Voroncova v Kavkazskom krae. 1845–1854 gg. [The economic, social and ethno-confessional politics of Duke Vorontsov in the Caucasian region. 1845–1854 years]. Pyatigorsk: PGLU. 398 p. [in Russian].

Nasha zheleznodorozhnaya, 1902 – Nasha zheleznodorozhnaya politika po dokumentam arhiva Komiteta ministrov: istoricheskij ocherk, sostavlenyj nachal'nikom otdeleniya kancelyarii Komiteta ministrov N.A. Kislinskim, pod glavnoyu redakcieyu stats-sekretarya Kulomzina (1902). [Our rail policy according the documents of the archives of the Ministers Committee: the historic essay, made by the chief of the department of the Ministers Committee N.A. Kislinsky and the editor state secretary Kulomzin]. SPb. T. 2. 734 p. [in Russian].

Ocherki istorii, 1996 – Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremyon do nachala XX stoletiya (1996). [The essays of the Kuban history from antiquity to the beginning of the XX century] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. 656 p. [in Russian].

PSZ, 1846 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe (1846) [The complete collection of laws of the Russian Empire / The second collection]. SPb. T. XX. 1046 p.

Pyatigorsk v istoricheskikh, 1985 – Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentah 1803–1917 gg. (1985) [Pyatigorsk in historic documents 1803–1917 years]. Stavropol': Kn. izd-vo. 352 p. [in Russian].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [The Russian State Military Historical Archives].

Tvalchrelidze, 1886 – *Tvalchrelidze A.* (1886). Kolonii mennonitov Vol'demfirst i Aleksandrfel'd Kubanskoj oblasti. *Sbornik materialov dlja opisaniya mestnosti i plemen Kavkaza* [The colonies of Mennonites Voldemfirst and Alexanderfeld of the Kuban region]. Tiflis. Vyp. 5. pp. 209–274. [in Russian].

Thamokova, 2000 – *Thamokova I.H.* (2000). Russkoe i ukrainskoe poselenie Kabardino-Balkarii [The Russian and Ukrainian settlement of the Kabarda and Balkaria]. Nal'chik: Izdatel'stvo «EHI'-Fa». 240 p. [in Russian].

Uchrezhdenie, 1876 – Uchrezhdenie upravlenija Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraja (1876). [The administration of the Caucasian and Trans-Caucasian region]. SPb. 67 p. [in Russian].

Fadeev, 1957 – *Fadeev A.V.* (1957). Ocherki ehkonomicheskogo razvitiya Stepnogo Predkavkaz'ya v doreformnyj period [The essays of the economic development of the Steppe pre-Caucasus before reforms]. M.: Izd-vo AN SSSR. 260 p. [in Russian].

CGA RSO-A – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija-Alanija [The Central State Archive of the Republic Northern Osetia – Alanija].

Chekmenev, 1967 – *Chekmenev S.A.* (1967). Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Stavropol'ja i Kubani v konce XVIII v. i v pervoj polovine XIX v. [The social and economic development of Stavropol and Kuban region at the end of the XVIII c. and the first half of the XIX c.]. Pyatigorsk: Kn. izd-vo. 278 p. [in Russian].

Shherbina, 1893 – *Shherbina F.A.* (1893). Obshhij ocherk jekonomicheskikh i torgovo-promyshlennyh uslovij rajona Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. [The total essay of economic, commercial and industrial conditions of the Vladicaucasian railway region]. SPb. Vyp. 2. 284 p. [in Russian].

Северный Кавказ в 1844–1881 гг.: наместничество и экономические аспекты российской политики в регионе

Юрий Юрьевич Гранкин ^{a, *}

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются особенности экономической политики России на Северном Кавказе в период существования наместничества. Особый статус региона заставлял искать пути по оптимизации управленческой практики в крае. К числу приоритетных задач, которые ставились и решались имперской администрацией, относились проблемы, связанные с успешной адаптацией местного хозяйства к общегосударственным потребностям. Регион должен был найти свою нишу во всероссийском рынке, и, таким образом, выйти из того кризисного состояния, которое сложилось в результате трансформации местного архаичного уклада, испытавшего на себе воздействие модернизационных процессов, вызванных проводимой здесь имперской политикой. Эти процессы ускорились во второй половине XIX в., когда военно-политическое противостояние на Северном Кавказе удалось преодолеть, и власти смогли акцентировать внимание на мирном обустройстве края. Заметные успехи были сделаны в развитии сельского хозяйства, всё больше приобретающего товарные черты, в развитии транспорта, добыче нефти. Дальнейшее развитие получили кавказские курорты, где постепенно выработывалась оптимальная форма управления этой сферой лечебных услуг. Всё это приводило к органичной адаптации местных народов к новым условиям жизни.

Ключевые слова: экономика, наместничество, трансформация, сельское хозяйство, промышленность, империя, ремесла, курорты, колонисты, услуги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: grankinj@pgu.ru (Ю.Ю. Гранкин)